

Валерий Иванов

**Повесть о "царском друге".
Распутин**

16+

Валерий Иванов

**Повесть о «царском
друге». Распутин**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Иванов В.

Повесть о «царском друге». Распутин / В. Иванов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Художественный исторический очерк о мужике Г. Е. Новых, родом из тобольской губернии, владеющим парапсихологическими способностями и ставшим царским любимцем последних правителей Российской империи и фаворитом ее величества А. Ф. Романовой как Г. Е. Распутин, и его увлечениях.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Валерий Иванов

Повесть о "царском друге". Распутин

Минуло много дней и прошло несколько лет, с тех пор как тобольский житель Григорий Новых покинул свои родные места и поселился в столице даже не по своей воле, в самом деле, когда ему хотелось бы, проживая в столице, бросить всё и вернуться на родину. На не скошенные поля, которые ожидали своего покоса. Кольхающиеся от лёгкого ветра и чем-то манящие своей простотой и беззаботностью, но перед предстоящей косьюбой, казалось бы, отнимавшие большую часть сил. Но вот ему просто необходимо было оставаться в Петрограде, как считал именно он. Интуиция необходимости в нём царскому престолу просто необходима. Да и возвращаться от сытой, богато уложенной жизни, которую он проводил в последнее время, покинув семью, удерживала его от возвращения на родину. Да и Прасковья, его жена, «уже, чай, не та...», считал про себя «старец», Распутин¹ сильно оброс в столице, так прозывали его в столичном свете Петрограда.

Однажды получил известие от его земляков в виде государственной бумаги – копию документов о том, что дом его заложен. Жена переехала к сестре, и из уст соплеменников, побывавших в столице, узнал весть о том, что его жена неважно себя чувствует, руки огрубели, сама осунулась, но дочь в расцвете, как личность себя проявляет. Тогда Распутин отдал устный указ, утвердительную просьбу одному из этих приятелей-соотечественников о том, чтобы поспешно по приезду в Тобольск направить свою единственную дочь к нему в Петроград. На том и расстались, и более известий с родины Григорий Распутин не получал.

К нему на обжитое дочь Распутина прибыла во время весны уже следующего года. В совершеннолетию оставив мать и отчима и распутного старшего брата, который женившись рано, но то ли о том слухи и по влиянию неудавшейся его женитьбы, то ли увязавшись с теми личностями деревни, которые имели противоречие к Григорию Новых во время его там проживания в отношениях к своему земляку: увязав его сына в свое общество, привели парня к оставлению желать лучшего. Митрофан² Григорьевич спился, потеряв доверие к своей семье. Лишь со временем который, прознав о делах своего отца, растеряв часть своих дружков, взялся за своё жалкое поведение.

Однажды принимая хмельного напитка, так как оно есть случилось в кабаке, расположенном у берегов Покровского села.

– Что ты знаешь о моем отце?! – заявил Дмитрий расположившемуся напротив одному крепостному указчику, который также употреблял за засаленном столе «разливной».

Внутри кабака было не тесно, но из-за скудности запаха и темноватого пространства даже днём не было уютно даже завсегдатаям, общающимся давно знакомым людям, поэтому здесь обычно было мало народу. Митрофан Григорьевич был знаком с Павлом по службе у барина, ныне его приятелем. Так однажды расставшись на том, что новость облетела Тобольскую губернию о старце из Петрограда, повлияла на сына Григория, тот взялся за ум, уйдя в своё время от не понимавшей его жены, взял в жёны другую, моложе, у них родилось двое детей. Но сам Дмитрий, бывало, любил по-прежнему пригубить горячительных, но лёгких напитков по лояльности к его привычкам новой жены. Ныне, встретив бывшего душеприказчика, разговаривали с ним об отце Дмитрия.

– Что ты говоришь? Учиться?! – спросил Дмитрия удивлённо Павел, когда ему принесли кружку пива.

¹ Распутин от слова «распутье» – раздорожье, развилина или же перекрёсток. Имя, предложенное Григорию Новых пребывавшим в России писарем, унтер-офицером, агентом штаба 1-го корпуса Алленштайна.

² Упрощённое имя от Дмитрия.

Дмитрий достал завернутую махорку, сунул её в рот, жестом попросил друга дать ему прикурить. Павел зажёл спичку, протянул огонь к скрутке товарища.

– Да, Павлуша, – произнёс, затянувшись, его друг, – ибо ныне ощущение у меня, что все сейчас не на своём месте и надо-ть что-то менять. А менять, дорогой, надо-ть, бы быть учёному.

Слова Дмитрия Новых душеприказчика удивляли. Он сделал два глотка, освежившись, продолжил слушать сына Григория Ефимовича Новых, ныне Распутина.

– А знаком ли тебе, Павел, наш такой земляк Дмитрий Менделеев? Тёзка, стало быть, мой.

Дмитрия уже в действительности охватило опьянение. Павел не знал о таком человеке.

– О! Друг мой, это знаменитой на весь Пентярьбург учёный муж! Он изобрёл... – Дмитрий не знал, чем прославился Менделеев, но точно знал: чем-то важным для Отечества.

– Много чего полезного, вот как то, например, что ты поджигаешь мне скрутку спичкой... Само загорается.

Павел его внимательно слушал.

– Очень важно!.. – попытожил Дмитрий.

Его напарник серьёзным лицом подтвердил его слова.

– А то, что ты про отца маго говоришь, будь то говорят, он сам с императрицей роман крутит – то не верь тому, – Дмитрий указательным пальцем повёл перед лицом Павла.

– Враки всё энто! Батя – он знаешь какой?!.

Павел был во всём внимании, ему не терпелось сообщить что-то новое о Распутине своим домочадцам и владельцам имения бывшего хозяина Дмитрия, части знакомых, которые уже именовали его по новой фамилией его отца.

– Он... добрый. Руки не поднимет, а сам работать будет и другим пособлять... А матушка, будь ей здоровье, – перекрестился Дмитрий, – кричала, бывало, на нас детишек, а отец никогда. Выведет, бывало, в холодную или сени там: мол, сиди и подумай. Так было со мной. Я нашкодничал один раз, – Дмитрий сделал большой глоток. – И всё... Всё молча... всё любя... На той весне Матрёна к нему направилась, жить там будет, – дополнил Дмитрий.

– Ну дай ей Бог здоровья, – попытожил Павел, – и матушке твоей! – уточнил друг Дмитрия, он выпил кружку на пару со своим бывшим подчинённым Дмитрием Новых, крестьянским ремесленником.

Поздняя осень нисколько не давала пониманию того, что по всей стране шли перестроения. Запоздалая осень начала столетия обрушилась резким снегопадом только под самый Покров день. Григорий Ефимович Распутин, некогда Новых, житель Тобольской губернии, села Покровское, выпивший, шаткой походкой вышел из дома, принадлежавшего древнему роду Юсуповых, исходившему со времён до образования нового рода царенаследия Романовых, ныне владеющему этой дворцовой усадьбой в Петрограде. Расположенного у реки Мойки, под управлением Феликса Сумарокова-Эльстона. Женившегося на потомственной уроженке дочери князя Юсупова.

Григорий, казалось, не обращал никакого внимания на раболепные ухаживания за ним привратника.

– Оденьтесь, Григорий Ефимович, простудитесь, чай к зиме-с дело... – дворецкий пытался укрыть его же шубой.

– Прочь, лакей! – беззлобно крикнул на него Распутин. – Не стоит мне, лакею Господа, в овечьи шубы выражаться. Буду гол как сокол! И чтоб ваши морды лакейские... – обратился он к мужчине являвшимся, как и управляющим имением. – Не смей в зад смотреть мне, как собаке. У-у, придворные халдеи! Всех вас вот так держу!..

Распутин сжал кулак перед лицом дворецкого.

Мужчина, завидев кулак, не смел более что-либо ещё говорить. Все же, отрезвив обстановку, едва пошатнувшись от чрезмерно выпитого алкоголя, Григорий, успокоившись, принял

покорность со стороны главного лакея, позволив надеть на себя уличную одежду – шубу. Тут же, ощутив тепло, почувствовав бурлящий алкоголь, он вновь едва не взорвался, пожалев про себя привратника от того, что тот не был низкочинным собеседником, но и на всё согласным – просил лишь вызвать карету.

– Всё учтено-с, Григорий Ефимович. Дарья дала, посыльного запрягают. Вы уже не сердчайте Григорий Ефимович, – урядник поймал его осознанную выдержанность, – мы никак не знали-с, что вы вот так сидели-с, сидели и...

Урядник не договорил, получив удар в лицо.

– Учить меня вздумал, собака!.. – произнёс Распутин стоявшему у дверей лакею.

Но тут же, пока тот не очнулся и не оброс злобой, к нему спешил успокоить упавшего от его кулака мужчину.

– Завтра, Никодим! Завтра прибудешь ко мне, и мы с тобой, словно лучшие друзья, по чарке красного выпьем, – произнёс Григорий.

Он хотел помочь бедолаге привстать, но от подоспевшей кареты к Никодиму поспешил каретный, приоткрыв дверь для гостя, тот спешил уладить и к управляющему дома Юсуповых, в указание которого и входил извозчик. Распутин сожалел, что так поступил, но теперь от продолжения гуляний его сдерживала его совесть, он спешил сесть в тарантас.

Время уже было позднее. Первый час ночи. Муж Зинаиды Юсуповой, истинной последовательницы рода Юсуповых, что проводила последней из хозяев дома буйного гостя, Сумароков-Эльстон относился к крестьянскому сыну Покровского села неоднозначно, с уважением, но тот быстро ему надоел, как не под стать его противоречивости. Супруга же не имела против к нему интерес и даже, по тайному её женскому естеству, желание сближения со «старцем», более как с мужчиной, чем правоверным, и склонности, в отличие от других женщин, к религиозному наставлению.

Распутин не раз бывал на набережной Мойки, 94, где располагался дворец Юсуповых, в частности, чтобы поговорить о высшем духовном поведении, а также при возможности употребить чарку с уважаемыми людьми, что было и крайне редко, при таких встречах Феликс Феликсович, глава семейства Юсуповых, редко употреблял алкоголь.

Но день рождения князя 17 октября являлся юбилейным годом его рождения. Тут и был отличный повод для Распутина сверх употребить, отвести свою незыблемость, поделиться с наивысшими представителями света России, равными, как представлял по себе крестьянский сын, с которыми он мог выпивать и спорить, как и с самим государем правления страной. К царю Николаю II он имел прохладу с тем, что тот всегда посмеивался над его убеждениями и не признавал его мнение, но лишь как жизненный лакей «простолюдина», как считал супротив большему числу света он царя российского государства.

Итак, на этот день в пятницу 1916 года Григорий закрылся от выпадения снега, по приметам который должен был выпасть ещё 1 октября на Покров день. И от того ли, что почувствовал он на себе лёгкий пух снежинок, Распутин поспешил в карету домой отсыпаться.

Прозорливый старец, как называли его в царских кругах знати и светского общества, которому на тот момент, несмотря на обросшее его лицо, было более лишь 45 лет. По своим меркам жизнедеятельности он ощущал себя юношей. Но у «юноши» этого было много опыта за плечами. Который и толкал его, словно наружу из некоего бытия, который его обременял и сжимал, как ощущал на своей родине Григорий Ефимович Распутин, сын крестьянина Новых по кличке «распутин»³, лучшего косаря Покровского села.

Но в эти года всевластный, казалось, он и вседозволенный «старец», как называли его в свете, не имел Распутин Григорий внутри себя полного упокоения домашнего очага и приюта, который он принимал на съёмной квартире, на Гороховой, 64. Это небольшая комната, схожая

³ Распу́та – беспутный, непутёвый человек.

с подвальной кельей, находилась на углу дома. Принимая женщин, отчасти распускаясь, проводить такие приёмы в свете, как ни желалось бы ему, он не мог по статусу, собирая гостей в квартире, и иметь с ними лично что-то, кроме общений. Отчего у которого, если не у каждого горожанина она была на слуху. Единственное его упоение было – это углубиться в алкоголь и отлежаться, отстранив тем самым навязчивых посетителей – тем, что не в здравии, что было правдой, считая выпивку за недуг, а лгать Григорий Ефимович не то что не мог – не желал.

Праздничный день по поводу юбилея Феликса Сумарокова-Эльстона был обозначен лампадами проведённого в доме внедрения цивилизации электричества – освещением ламп накаливания. В сознании человек, сидевших за столом, кроме развлечений, принимая увлечения к самоанализу, кто более увлечённые прагматизмом, тем являл для себя новым прагматизмом бытия, как и развлечения в новом Санкт-Петербурге⁴ того времени, Распутин. Ярый противник всего новоявленного и желающий этим поделиться с друзьями.

За столом были богатые закуски, вина, настойки. Что влияли на «царского друга», располагая к фривольности.

– Кто бы мог подумать, Россия! – с возмущением сетовал гость.

Время близилось к полуночи. Распутин был изрядно выпивший.

– Страна немых и рабов крестьянам отдана! Кто бы мог подумать!

– О чём вы, Григорий Ефимович? – спросил его сосед за столом напротив.

Тут Григорий Ефимович расширил взгляд. Слова ярости от недопонимания овладели им.

– О том! Мой дорогой друг, что земли и пашни, и реки скоро заполнятся кровью, на пастбищах пойдёт и полянах чуждая нам техника! Колосья хлебов будут гореть и полыхать! Народ взбунтуется от голода, наша пища превратится в ржаной затвердевший хлеб!

Тут кто-то едва слышно промолвил, сетуя своей жене:

– Слушай старика-то, когда ещё придется слушать откровения, чай и взаправду говорит, настанут лихие времена, – сказал один из гостей и перекрестился.

Это был каким-то образом попавший в общество начальника Московского военного округа коллежский асессор. Жена другого гостя, одна среднего достатка фрейлина при царском дворце, почитавшая Распутина как праведника, желала каждым днём бывать в его квартире. Побывав однажды там за советом, женщине на ту пору было 27 лет, замужем она состояла только первый год за офицером кавалергардского полка, которому на время их сватовства было уже 57 лет. Успокоив неровности брака, она продолжала облегчения морального состояния искать в «старце», и находила, и желала бы ещё, но страсть к вину «учителя» ограничивала их отношения.

Присутствующие снова припали к его изречению. Пугавшие высказывания «старца» отчетливо олицетворяли нынешние обстановки. Сопротивления городских жителей, тайности обществ коммунаров, явственнее становившиеся и всё больше не поддающиеся влиянию городской управы.

Вскоре слышимые голоса оставшихся гостей, становившихся реже к полуночи, выделяли своих ораторов.

– Да кто же осмелится угрожать России, Григорий Ефимович? – спросил голос.

Распутин в это время выбирал за столом закуски, вновь выделил свой образ ликованием под разросшейся бородой и, у подпоённого алкоголем, никто не знал, как заходили под ней желваки.

– Немцы! Эти рыцари-прохиндеи источают наше государство... подтачивают! Плетут сети заговоров!.. – едва Распутин не проговорился о недавнем разговоре его с одним из представителей германской элитной службы. – Губят Россию. Неужель не знаете?! Клеветники,

⁴ В августе 1914-го по указу Николая II город переименован в Петроград в честь своего основателя.

обжоры! Прохиндеи разные! Один только Бог ведаёт, что может произойти, но я вам верую своей и знаниями Высшего говорю: народ бунтует. Царь спит!

Вдруг Распутин замолк. Как ни был он цареугодным подданным, но оставался всё же мужиком, крестьянским сыном. Предназначение в царской России класса, которым являлось только холопство. Своя, но неподневольная жизнь. Многие бы желали слушать «старца», что являлись из женского общества, но большинство из мужей не желали вслушиваться в патриотизм царского прозорливца. Часть из которых знали, какое влияние он имел на царицу и тем, что имел власть над недугом цесаревича Алексея Романова, имея статус целителя. Как сам Григорий, принимая такой статус, всё же не придавал этому значения публике, своим обществом имея другие интересы, продолжая жить насыщенной жизнью, установившейся в царской России с начала правления дочери Петра Елизаветы Романовой: балы, карточные игры, увеселения не замечала, растлевающая чиновничье окружение, спад нравственности, соединение с новодумующим тайными обществами. На то забвение и увлечение коммуной и намекал Распутин. Однако сам не понимал в этом течении, как и не желая втягиваться в него, он ограничивался только самодостаточностью, лестью и расслаблением от алкоголя да яствами, больше всего он любил хорошо поесть и сладкое.

– Не будем сейчас к высказыванию, уважаемый Григорий Ефимович. Столь истинные высказывания по поводу монархии вам сейчас не к лицу, – высказался один из оставшихся гостей.

Распутин заходил желваками, он готовил ответ своему собеседнику, явно понимая, на что намекает гость. О лишних словах.

– Мир вам да благодать, – наконец высказал охмелевший разум «царского друга».

Тут оживились разговоры ещё стойких гостей, понемногу переходившие в споры с деловым переходом к вечерним играм. Распутин, также охладевший к политическим разговорам, почувствовав изрядно выпившим, решил собираться. Направленные духовные разговоры ввели его в транс праведности, захотелось отоспаться. «Умного понемножку», – посчитал он. Тут же встав, изрекши несколько слов, чтоб его не забыли, в довольствие и здравие царя, опустошив целиком рюмку, поспешил из-за стола. Явно демонстрируя неприязнь к тому, кто перечит его словам. Кто-то из дам просил его остаться, тот категорически отказывал, скрывая свою обиду в непонимании его. Игнорируя лица, высказывавшие против него, вышел из стола. Нечаянно задев скатерть, опрокинув оставленную кем-то рюмку красного вина. Остановившись, посчитав это за недобрый знак, суровым взглядом выискивая своего потенциального обидчика, посчитав за приметку. Так его коренной недоброжелатель, которого Распутин так и не выискал среди поздних лиц торжества, член правой фракции, приписанный к довольствию московского чиновничьего аппарата, лизоблюд и пройдоха, ставленник Иосифа Морозовского Владимир Пуришкевич как ни в чём не бывало уже веселился в окружении собеседников. Никто бы и не заметил удаляющегося «царского друга», если бы не встретивший его дворецкий у дверей зала. И мимолётный взгляд отца юного Феликса Юсупова, не отыскав, словно успокаивающий лик, юного князя, Распутин решил, что завтрашний день он проведёт дома, завтра он позвонит маленькому.

Утро похмелья сдерживало в Григории Распутине желание что-либо делать, он, как обычно, попросил у горничной служанки, с которой имел обыкновение кокетничать, но более чего-либо из сношений далее не пользовал, уносясь мыслями иных деяний.

Так шли дни за днями. Подходили последние дни к концу 1916 года. За то время, что Распутин пытался воссоздать свое имя, его почти никто не слушал, не прислушивался. Его имя всё больше сочеталось с олицетворением пшеницы, что собирают и оставляют в амбарах. Те представители дворянства, что с появлением его в царском окружении шли его повидать, как чудо новоявленное, разбивались на отдельные секции или кружки. Его никто не приглашал.

Редкие обращения в дом Юсуповых связывал лишь телефон, всё чаще с юным князем Феликсом Юсуповым. В речах с ним по телефону, которые сходили к подъёму от упадочного настроения князя, к проявлению других интересов, отговаривая от которых, Распутин не замечал, как сам желал быть их сторонником – в частности, ему нравилась жена Юсупова-младшего Ирина Александровна, «неистового дитя». Говорил Распутин при встречах с ней, с которой, зная об отношениях между супругами, желал если без тайных встреч, то приблизить её к себе. Но супружеское ложе для «старца» было больше всего, Распутин гнал такие мысли.

Она не желала ни слухов, ни сплетен, ни интриг. Довольствуясь общением с её мужем, вёл с ним дружбу, стараясь помочь, извлекая из него постыдный грех влечения юного князя к пассивности перед мужчинами. Навейное склонение к тому от западной культуры тайных обществ. В самом деле, юный князь имел лишь лояльное к тому своё мнение, однако, не замечая, что ведёт к тому склонению сам.

15 декабря 1916 года Распутин набрал номер на телефонном аппарате в своей комнате. Телефонная связь была проведена не во всём доходном доме, но царская милость в лице императрицы Александры Фёдоровны считала это необходимостью для соединений царской четы с «царским другом».

– Алло, попросите к телефону князя Феликса Феликсовича, – говорил в трубку аппарата Распутин.

Три дня назад он прибыл из Старого Петергофа в городе Сарове. Ранее именно там предсказали Николаю II рождение престолонаследника. Чувствуя усиление смуты, Распутин вскоре в срочном порядке возвращается в Петроград.

Родовая болезнь Алексея Николаевича, перешедшая от связей древних родственников его матери Викторией Алисы фон Гессен Дармштадтской, в свете жены Николая II. Её бабка была инфицирована однажды при гулянии в саду, что повлияло на иммунную систему, изменив генную структуру, со временем явившись родовым проклятием, о котором узнал сам Николай лишь позже.

Роковая болезнь, ушедшая на три ветви поколений, тем самым создавая свою цепь генной мутации, из которой, вытекая из любви, далее по времени никак не сладившие с той любовью, которая была бы естественна для любого обывателя и патриота своей родины. Царь Николай Романов находился в разделении с самим собой, так и в заблуждении от патриотической любви и заботе о своей семье, что в итоге потерял свою корону.

Но у политиков свои планы, дела, и у горожан свои, патриоты свои. Те, кто относился к образу Распутина мыслями и действиями, имели лишь моменты, когда в их жизни происходили ярчайшие дни, запоминающиеся. Но так как это проявление жизни являло в себе остроту, дабы не оступиться и пойти по направлению или, наоборот, войти в величайший образ общества, то Распутин Григорий Ефимович обладал огромным потенциалом власти над характерами людей. Однако, имея к сему и небольшой недостаток, полученный в обществе, где патриотизм, высокомерие и любовь к людям соединились в один клубок, Распутин был расточен в понимании доказательства о добродетели. Всё, что осталось у него, – это мысли, уединения и думы о сокровенном и, конечно, молитва. Покаяние о содеянном том или ином.

Однако ошибок характерному воли человека не суждено контролировать ни царю, ставшему обыденным потребителем, ни паломникам, превратившимся в скитальцев. Впрочем, это, быть может, обычный ход истории.

Распутин ждал ответа из телефонной трубки, проводивший неделю в отдалении от светского общества.

Всё чаще Григорий, укреплялся своим сознанием в том, что он не делает похожее на бутылку без дна, когда льют воду. Вернувшись из Петергофа в свою комнату на Гороховую, это было под вечер 12 декабря, весь последующий день, находясь в уединении, созерцал прошлые свои дела в просьбе о милости всевышнего. Даже не задумываясь, как он будет проводить бли-

зудущее Рождество. Все последующие дни он потратил на общение с царицей, где на первый же день появления «старца» Александра Федоровна стала чувствовать в дворцовом месте поддержку. Не раз предлагала Распутину отправиться в царскую ставку. По явлению гемофилии кожный покров цесаревича трудно залечивался при ранениях, как и при артериальном давлении и кровотечение из носа не останавливалось. Она волновалась за сына, находившегося вместе с отцом в Могилёве. В зимние дни декабря условие тому состоянию могло бы последовать от передержания на морозном воздухе мальчика.

Но у царицы, умиленной письмами Николая и поддержкой их друга, приступ опасений за Алексея Романова снижался. Цесаревич был лёгким по здоровью и часто подвержен болезням. Но, получая энергетику тобольского крестьянина, которая перемешиваясь с мальчиком; получая как бы питание биологическим клеткам юного организма, выводя к потенциалу однообразности, тем самым надолго действуя на раны или приступы затяжного кровотечения.

Энергия тела Распутина, которую он обычно отдавал в работу в поле, по хозяйству, шла на мышление и борьбу с не понимающими его людьми. Женщины, которые любили его, были отвергнуты им, оставляя свободное время Григорию на осмысление положений видов природы, моления, понятие разделения отношений между людьми. Когда-то была включена в этот круг и Анна Вырубова, приславшая ему записку по просьбе царицы вернуться ему в столицу, фрейлина царицы, желавшая получить взаимность, никогда так и не вышедшая замуж, новая пассия для Распутина, где судьба в столице подарила ему со временем, так до конца своих дней и не осознавшему свою ошибку. Что, впрочем, была отодвинута на другой план, найдя он в другой своё желание из светских женщин, жены сына Феликса Юсупова, «милого создания», как отмечал он о ней, вполне охотно встречаемого его обществом Ирины.

Он познакомился с Ириной Юсуповой в день женитьбы юного князя. Особа сама обратилась к Григорию Распутину. Яркий добрый взгляд пронзил «старца», причём Распутин знал, что сам юный князь Феликс Юсупов был склонен к самому Распутину и видел в нём скорее не друга семьи Юсуповых, но чего-то большее, личного друга с которым можно было поговорить о многом и даже принять какой-либо совет, в то время когда окружающие относились к Распутину не более как к яркому моменту, обузданные личной будничной жизнью света. Князю не было заметно ответной искры тобольского крестьянина к своей жене, но кто-то из современников это подметил.

– Вы сегодня не в духе, Григорий Ефимович? – спросила его Ирина после прибытия новой четы из Исаакиевского собора после венчания во дворец.

В этот день Распутин желал только употребить, отправиться домой, не задерживаясь.

– Нет такого во мне сожаления, Ирина Александровна, как образ безнравственности и окаiania безличности в окружающих, – сказал Распутин.

Они стояли возле столика напитков и еды, часть штор сдерживала солнечный свет окна, присутствующие гости были заняты друг другом, едва ли обращали внимание на пару из молодой женщины и царского выдающегося знахаря, если кто и заметил, то посчитал, что их встреча только на пользу жене Юсупова. По их пониманию, общение «старца» благоприятно, возможно, здоровью будущей матери. И в действительности никто не мог знать, что в мыслях у Распутина. Кроме новонавеянных сплетен о распутстве «царского друга», могло лишь будоражить её молодого мужа.

– Ах, вы всё о той же суете, Григорий Ефимович. Забудьте на миг о проблемах, будьте открытвенны перед самим собой, расслабьтесь, – посоветовала молодая особа.

Её голос был так мягок и ласков, что хотелось взять её под руки и вести под мелодию какого-нибудь медленного танго, чтобы, не отрывая взгляд от неё, пригласить на вечер в одну из пусть не богатых бакалей, отпить с ней вина, дружески поговорить и отправить к мужу. Впрочем, блеснула мысль у прозорливого «старца»: если бы эта особа не была замужем и была свободна, Распутин не считал бы оправдывающим ни перед собой, ни перед святым писанием,

что увести жену от мужа бы было не то что постыдным, но и мерзким, и последним делом, как вроде бы просить женщину сесть в грязную лужу, но, также считал Распутин, отношения бы сошлись по его желанию с этой красавицей и по другому поводу: Ирина Александровна была заметной фигурой в свете, и его возраст со столь юной девицей посчитался бы делом распутным, так полагал Григорий. И его личность бы пала в авторитете у царицы, пусть молодая особа будет счастлива с юным князем, а он будет наблюдать за ней издали и заботиться при первом необходимом случае.

Яркий цвет губ юной женщины нежил сорокалетнего мужчину, но лишь как благодетель простоты и независимости, попеняло ему лишь в том, что Распутин и так пользуется возможностями с многими женщинами, был распространён однажды в одной из массовых газет Петрограда. Тиражом публицистики, не имевшей большого спроса. В самом деле Распутин был одинок, его радовал только ненавистный ему алкоголь да желание о прощении грехов своих в делах, в которых он видел отступление своё. Молился по-своему, в обычной церкви посчитали бы его за еретика. Распутин, довольствуясь, принимал слова замужней девушки на свой счёт. Они бы ещё вели своё общение но девушка уже явно торопилась от него, тут же в их поле появился князь, и заметив их, спешно двинулся к ним.

– Ирина, дорогая, вы с нашим монахом праведным? – Юсупов был чуть ниже «старца», едва возвеличиваясь в росте с женой. – О чём толкуете? – поинтересовался князь.

Во взгляде Распутина он пытался уловить такт их разговора. Отчего-то (хотя Феликс Юсупов не мог представить, отчего) у него могло бы быть такое чувство, ведь Ирину он не любил, но лишь статус величественного рода требовал по возрасту и статусу вступления в брак и создания семьи волей-неволей, такая потребность шла от беспокойного времени, проступавшего на Руси. Сам Феликс Юсупов в своём роде был суров к себе и был дисциплинирован в отношении каких-либо обязательств, требующих порядка и правил, такие порядки требовал свет Отечества, но некая ревность подступила в его сознании, он хотел как можно быстрее оторвать свою супругу от общества знаменитого человека. Но скорее как от мужчины. Слух о том, что «старец» – блудник, сплетни внушали в юного столичного франта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.